

РЕФЛЕКСИИ ЛАТВИИ НА РОССИЙСКУЮ ГИБРИДНУЮ АГРЕССИЮ В УКРАИНЕ: КЕЙС ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

LATVIA'S REFLECTIONS OF RUSSIAN HYBRID AGGRESSION UPON UKRAINE: POLITICS OF MEMORY CASE

DOI: 10.5281/zenodo.3821369

UDC: 327.5

Sergej PAHOMENKO¹

Universitatea de Stat din Maripol, Ucraina

E-mail: pakhomenko.s@ukr.net

ORCID iD: 0000-0003-1137-3585

Rezumat: *Lucrarea investighează impactul agresiunii hibride ruse asupra Ucrainei asupra politicii de securizare a memoriei în Letonia. Acest lucru arată că paradigma de cercetare a reflecțiilor letone a evenimentelor ucrainene în domeniul politicilor privind memoria implică o relație între politica de memorie, memoria istorică și securitatea, bazată pe înțelegerea naturii lor constructiviste și importanța fundamentală pentru menținerea identității naționale. Articolul explică faptul că agresiunea Rusiei împotriva Ucrainei, care folosește memoria istorică ca arma de conștientizare a publicului a determinat o regândire a experienței istorice și a traumelor colective pentru letoni asociată cu ocupația sovietică și a accelerat securizarea narativă națională.*

Aceasta securizare a fost realizată în următoarele direcții: consolidarea memoriei istorice ca element de securitate națională în documentele oficiale; întărirea răspunderii penale pentru glorificarea, justificarea și tăgăduirea faptelor regimului comunist; extinderea interdicției de utilizare a simbolurilor comuniste; includerea unei narațiuni naționale, care condamnă regimul comunist în politica de memorie la nivelul UE.

Cuvinte cheie: *politica de memorie, memorie istorică, securizare, narațiune, Letonia, Ucraina, Federația Rusă, agresiune hibridă*

Abstract: *The article investigates the influence of Russian hybrid aggression upon Ukraine over politics of memory securitization in Latvia. It shows that research paradigm of Latvian reflections of Ukrainian events in the field of politics of memory supposes interrelationship between politics of memory, historical memory, and security, based on understanding of their constructivist nature and fundamental importance for national identity maintenance. The article clarifies that Russian aggression upon Ukraine using historical memory as public awareness weapons has determined re-actualization of historical experience and collective trauma of Latvians associated with the Soviet occupation and has accelerated the national narrative securitization.*

This securitization has been carried out in the following directions: fixing of

¹ Cercetător invitat la Universitatea din Letonia (or. Riga, Letonia).

historical memory as national security element in official documents; harsher criminal liability for communist regime glorification, justification, and denial; expansion of prohibition on communist symbols use; inclusion of national narrative with communist regime condemnation in the policy of memory at the EU level.

Key words: *politics of memory, historical memory, securitization, narrative, Latvia, Ukraine, Russian Federation, hybrid aggression*

Введение

Одной из технологий гибридной агрессии России против Украины является широкое использование исторической памяти, которое служит неким идеологическим – пропагандистским обрамлением и даже обоснованием для военно-политического вмешательства. Пропагандистские мифы про «фашизм» в Украине, историческую принадлежность Крыма и всего Юго-Востока Украины к России, «искусственность» украинской нации и т. д. давно вышли за пределы маргинальной публицистики и стали привычной риторикой в публичной политике и дипломатии РФ. Нарративы сегодняшней исторической политики РФ с их химерным сочетанием имперской и коммунистической героики являются не только символическим сопровождением агрессии, но и основным контентом пропагандистских манипуляций и операций влияния с помощью которых вербовались наемники для операций в Крыму и на Донбассе, вносилась дезориентация в сознание населения юго-восточных областей.

На международном уровне РФ муссирует пропагандистскую аргументацию «исторического права» на те или иные территории, и необходимость «защиты» соотечественников. Такие аргументы не имеют веса с точки зрения международного права, но находят положительный отклик в определенных кругах западной общественности и влияют на общественное мнение.

Латвия, как и другие страны Балтии, была в числе тех, кто ощущает наибольшую уязвимость в связи с действиями РФ в Украине, что обусловлено рядом исторических и геополитических факторов. Среди них – 50 - летняя советская оккупация Латвии, вызвавшая коллективную травму в виде массовых депортаций и репрессий, протяженность общей границы, наличие многочисленного русскоязычного населения, которое в большинстве своем находится под влиянием пропаганды РФ, носящей зачастую антилатвийский характер.

Поэтому неудивительно, что Латвия предприняла ряд новых мер для укрепления своей военно-стратегической, экономической и информационной безопасности. Предметом нашего изучения является одна из составляющих этой безопасности, лежащая в социальной плоскости, а именно – историческая память. Это сфера всегда была особенно острой в латвийско-российских отношениях в следствие не только

противоположных взглядов на историю XX века и пребывание Латвии в составе СССР, а и политико-правовых решений Латвии, вытекающих из принятия концепта оккупации, а именно - института негражданства, судебных разбирательств над военными преступниками, носившими форму советской армии, а также символических требований компенсации за оккупацию. В свою очередь, ревизионистская историческая политика РФ с оправданием пакта Молотова - Риббентропа, отрицанием факта оккупации и обвинениями Латвии в прославлении фашизма оказала влияние на местное русскоязычное сообщество, сформировавших мощный нарратив контрпамяти с культом советского «освобождения» Латвии. Наша гипотеза состоит в следующем. В силу исторической, геополитической и этнической специфики историческая память как часть идентичности является одним из важнейших составляющих безопасности Латвийского государства. Российская агрессия против Украины с использованием исторической пропаганды обуславливает защитную рефлексию Латвии результатом которой становится дальнейшая секьюритизация памяти в рамках государственной исторической политики.

Теоретические рамки и методология

Стержневыми понятиями, которые формируют теоретический и эмпирический каркас нашего исследования являются «историческая память», «историческая политика» и «безопасность». Выяснение их взаимосвязи поможет сформировать некую теоретическую модель для изучения кейса Латвии.

Согласно концепции «социальных рамок памяти» М. Хальбвакса, ставшей уже давно классической в области «memory studies», индивидуальная память социально сконструирована; коллективная память опосредована группами (семьей и социальными классами); коллективная память существует на уровне обществ и государств (Hallbwaks, 1992). Последнее утверждение непосредственно подводит к понятию инструментализации памяти в целях нациестроительства и укрепления национально-государственной идентичности. А это и есть то самое, что называется сейчас исторической политикой.

А. Ассман выделяет четыре формата памяти: индивидуальную, социальную, политическую и культурную (Assmann, 2014:19). Индивидуальная и социальная память формируются на уровне сообществ, основана на их воспоминаниях и является как бы восходящей, то есть направленной с социальной среды на уровень власти, без поддержки которой она исчезают через несколько поколений. Политическая и культурная памяти - нисходящие, они исходят от элиты, тяготеют к однозначным толкованиям и прагматическому использованию прошлого со стороны государства и политических элит, что и есть исторической

политикой. Очевидно, что кооптация восходящей и нисходящей памяти и приносит успех государственной политике памяти.

Сама же дефиниция «политика памяти» отличается разнообразием в рамках изучаемого смыслового поля: «политика памяти», «историческая политика», политика воспоминаний», «символическая политика» и т.д. Мы предлагаем такую трактовку политики памяти, которая включает все практики, связанные с формированием коллективной/исторической памяти от формализации исторического нарратива до мемориальных законов.

В качестве теоретико-методологической основы, позволяющей связать память, историческую политику и безопасность выступает конструктивистское понимание безопасности, системно оформленное в исследованиях представителей Копенгагенской школы. Они рассматривают безопасность как социально сконструированное явление и определяют одной из ее основных целей защиту идентичности. В соответствии с данным корреляция памяти и безопасности прослеживается по меньшей мере в трех ракурсах. Во-первых, как и в случае с безопасностью, коллективная память также социально детерминирована. Во-вторых, коллективная память лежит в основе разных форм идентичности, в том числе - национальной. В –третьих, коллективная память является не только объектом защиты, но и тем ресурсом, опираясь на который акторы безопасности идентифицируют угрозу, формируют образ врага и определяют средства защиты.

Согласно модели треугольника секьюритизации, описанного В. Априщенко, смыслы безопасности создаются коллективными воспоминаниями (Apyshchenko, 2018:29). То есть именно исторический опыт лежит в основе распознавания, оценки угроз и формирования комплекса мер по их предотвращению.

Вот почему латвийские политические элиты провозглашали эти смыслы, опираясь на прошлый травмирующий опыт коллективной памяти советского периода (депортации, репрессии), что предполагает понимание России в качестве основного источника угрозы. События в Украине только утвердили такое понимание.

Таким образом, мы предполагаем исследовать рефлексии Латвии в области мемориальной политики, учитывая взаимосвязь памяти, исторической политики и безопасности, на основе понимания их конструктивистского характера и основополагающего значения для сохранения национальной идентичности. Целью нашей статьи является выяснение влияния гибридной агрессии РФ в Украине на секьюритизацию исторической памяти в Латвии.

Узловые точки латвийского национального нарратива

Двумя ключевыми точками в проекте постсоветского

государственного строительства в Латвии стали концепт оккупации и идея юридической и политической преемственности нынешнего государства с Латвийской Республикой 1918-1941 гг.

Тема оккупации красной линией проходит через все политико-правовые документы мемориального характера, выданные латвийским Сеймом в последующем. Это декларации Сейма ЛР „Об оккупации Латвии” от 22 августа 1996 года, „О латышских легионерах во Второй мировой войне” от 29 октября 1998 года и „Об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР” от 12 мая 2005 года.

В декларации 1996 года подчеркивался советский геноцид против латышей и следы, оставленные полувековой оккупацией: „Все время оккупации СССР целенаправленно осуществлял геноцид против народа Латвии, тем самым нарушая Конвенцию о недопущении геноцида и осуждении за него от 9 декабря 1948 года... Руководство СССР целенаправленно наводнило Латвию сотнями тысяч мигрантов и с их помощью пыталось уничтожить идентичность народа Латвии” (On the Occupation of Latvia).

Как видим, в этих парламентских декларациях применение термина геноцид не ограничивается сталинскими преступлениями. Латышское определение геноцида явно шире и касается не только массовых депортаций 1941 и 1949 годы, но и советской этнодемографической политики.

В Декларации 1998г. „О легионерах” (латышах, служивших в дивизиях Ваффен-СС) г. идея тождественности двух оккупационных режимов служит основой для отрицания пронацистского характера этого формирования. Также подчеркивается, то, что латыши принудительно призывались в этот легион (On Latvian Legionnaires).

Эти месседжи были весьма контраверсиейными. Хотя Латвия никогда и не пыталась как-то обозначить память о легионерах на европейском уровне, она все же считала их героизацию на национальном уровне оправданной и не противоречащей европейской коллективной памяти. Некоторые из легионеров сотрудничали в первые годы войны с нацистами и принимали участие в Холокосте, однако подавляющее большинство этого не делали, и организация не была названа преступной в ходе судебного процесса в Нюрнберге. Тем не менее, они носили форму СС. Европейские мнемонические стандарты при всем их расширении до осуждения сталинизма все же не допускают для своих членов героизацию таких спорных формирований времен Второй мировой войны. Поэтому, как уже отмечалось выше, ЕС оказал давление на Латвию, и та отказалась от официального празднования Дня Легионера 16 марта, которое проводилось

в 1998- 2000 гг.

Другая, связанная с концептом оккупации ключевая идея национального нарратива – это идея юридической преемственности нынешней республики с Латвийской Республикой до Второй мировой войны. Она воплощена уже в возвращении (во многом символическом) Конституции 1922 г. Секьюритизация исторического нарратива с его концептом «республики-продолжения», оккупаций и геноцида имеет не только символическое значение и была призвана интенсивнее воздействовать на коллективную память. Этот процесс заложил определенные моральные и политико-правовые основы для конкретных политических и юридических решений с далеко идущими последствиями. Имеется в виду, институт не гражданства и криминальные дела против лиц, обвиняемых в совершении преступлений в годы 2 мировой войны.

Созданная инфраструктура исторической политики также фокусировалась на промоции идеи оккупации. Среди ее институтов особенно активны частный „Музей оккупации Латвии” (выставочно-исследовательский центр, внесенный МИД ЛР в протокол для обязательного посещения зарубежными официальными делегациями; и Военный музей Латвии, а с 1998 г. Латвийская комиссия историков при Президенте Латвии. Впрочем, следует отметить, что в отличие от других стран региона, в том числе и Эстонии, в Латвии не было создано особого Института национальной памяти.

В работах ряда авторов можно достаточно четко увидеть явный скептицизм в отношении такой исторической политики и ее оценка как недемократичной и этноцентричной. Безусловно, национализирующееся государство по Р. Брубейкеру предпринимает все меры для фиксации своего нарратива, нередко, этноцентрического и почти всегда антикоммунистического характера (Brubaker, 1996:104). И с либерально-нейтральной точки зрения это выглядит однобоко и антиплюралистично.

Однако, как указывает Э. Онкен демократические государства также имеют много возможностей для работы с множеством социальных воспоминаний, которые постоянно генерируются и присваиваются в изменяющихся политических и социально-экономических условиях (Onken, 2010: 281). Также следует отметить, что критики латвийской исторической политики, часто сами пренебрегают плюрализмом, не находя места для демонстрации аргументов или хотя бы предпосылок формирования именно такого национального нарратива. В частности, А. Ческин (Cheskin, 2012) не указывает, что оккупация как важнейшая узловая точка выбрана не только потому что новые элиты навязывали «националистический» вариант коллективной памяти, и нашли соответствующий идеологический рычаг воздействия на коллективную

память, а и потому что последствия оккупации в виде репрессий и депортаций занимали центральное место в коллективной памяти этнических латышей, находясь ранее (в советское время) вне официального мнемонического поля.

Латвия может служить здесь хорошим примером того, как советские власти пытались создать официальную «историю» и долгосрочную «коллективную память» о советском братстве и освобождении. Тем не менее, в частной сфере семейной памяти, поддерживаемой в некоторой степени литературой и исследованиями эмигрантов, преобладала параллельная коллективная память об утраченной государственности, индивидуальных страданиях и политическом терроре при сталинском режиме. Без существования таких параллельных нарративов вряд ли стало бы возможным мощное стремление к независимости, когда в конце 1980-х гг с отменой цензуры и изменением политических посылок эта память была легко вызвана и вывела десятки тысяч на улицы (Zelče, 2009: 47).

Согласно, В. Априщенко и Е. Гауфман смыслы безопасности формируются прошлым историческим опытом (Apryshchenko, 2018:29); (Gaufman, E. 2017). Для латышей, депортации были главной травмой и той осью вокруг которого формировалась их идентичность. Антрополог В. Скультанс утверждает, что этот трагический сюжет их истории имеет такое же значение как Холокост для евреев (Skultans, V., 1997). Поэтому, как только настал подходящий общественно-политический момент, коллективная травма получила публичную актуализацию и сыграла главную роль в формировании национального нарратива, который стал в определенной мере компенсацией за всю обиды и унижения, физическое насилие и (в более широком смысле) структурное разрушение повседневной жизни, перспектив и планов (Zelče, 2009: 47). Более того, исторический травмирующий опыт определил смысл безопасности, который предполагал в качестве главной причины страданий – оккупации, а в качестве главной угрозы - СССР и Россию.

Исходя из концепции А. Ассман о нисходящей и восходящей памяти, мы видим в данном случае их конвергенцию и широкий отклик и позитивный ответ, так называемой нисходящей (социальной и индивидуальной) памяти этнически латышской части латвийского общества.

Однако в специфических условиях Латвии такое активное утверждение национально-этнического нарратива одновременно оборачивалось серьезной угрозой в виде стигматизации русскоязычной общины. Большинство латвийских русских не приняли национальный нарратив оккупации. Более того, под воздействием агрессивной исторической политики России, русское меньшинство Латвии переняло

нарратив исторической родины с противоположным латвийскому пониманием событий истории 20 века, где центральным сюжетом является советское „освобождение” Латвии от нацистов и коммеморация 9 мая как Дня Победы.

В такой ситуации обычно возникает серьезная напряженность внутри государства, которое, с одной стороны, придерживается идеей открытого общества и плюрализма, но, с другой стороны, основывает большую часть своих притязаний на легитимность на национальном повествовании о прошлом (или политической памяти), которая в основном состоит из коллективных (этнических) категорий, не разделяемых значительной частью общества (Onken, 2010: 286).

Латвийская исследовательница Ж. Озолиня называет такую ситуацию дилеммой безопасности. После провозглашения независимости в начале 1990-х годов, когда латыши искали свою обновленную идентичность, основанную на европейских ценностях, представители русского сообщества воспринимали эти попытки как угрозу своей идентичности. Вступление в ЕС и НАТО латвийское общество восприняло как необратимость суверенитета государства и устойчивости нации, но со стороны русскоязычной группы это вызвало неоднозначную реакцию, в том числе как угрозу для этноса, национальная идентичность, которого связана с Россией.

Дополним, что поиск новой идентичности для латышей предполагал не только ее адаптацию к европейским ценностям, но и становление национального исторического нарратива. Это совершенно противоречило восприятию истории в духе советского нарратива, присущего русскоязычной общине. Считаем, что именно это, а не только европеизация Латвии вызвало у русскоязычных чувство угрозы и неприятие. А агрессивная историческая политика РФ (особенно активная в последнее время), основным инструментом которой является пропаганда „фашизации” Латвии и ее неспособности к государственному строительству не просто деконструирует национальный нарратив в глазах русскоязычной общины, но и создают прямую угрозу национальной безопасности.

Секьюритизация памяти после 2014 г.

Антисоветский акцент национального нарратива усилился с 2014 года под влиянием изменившейся геополитической ситуации в связи с российской агрессией против Украины. Воспоминания о советском вторжении 1940 года и оккупации Латвии возродились в общественных и политических дискурсах, а историческая память снова актуализировала свое значение как объект безопасности.

Обратим внимание на три изменения в законодательстве, которые

были приняты Сеймом в 2014 году и которые ясно отображают процесс секьюритизации.

Во-первых, это поправки в Уголовный кодекс предусматривающие уголовную ответственность за отрицание или оправдание агрессии тоталитарных режимов (Kaprāns, 2016: 82). Этой поправкой была скорректирована норма, которая была в Уголовном Кодексе с 2009 года и появление которой было связано с имплементацией „Европейского рамочного решения о борьбе с определенными формами и проявлениями расизма и ксенофобии с помощью уголовного права” (Council Framework Decision, 2008) в национальное уголовное право. Это норма предусматривала, что к лицу, совершающему публичное прославление, оправдание или отрицание геноцида, преступлений против человечности, преступлений против мира, применимым наказанием является лишение свободы на срок не более пяти лет или временное лишение свободы, или общественные работы, или штраф (Criminal Procedure Law, 2013).

В мае 2014 года была принята поправка, которая прямо указывала на два режима, которые совершали геноцид, преступления против человечности и военные преступления, а именно СССР и нацистская Германия (Krimināllikums).

На то, что принятие поправки было мотивировано как из политических соображений, так и из соображений безопасности, указывают такие моменты.

Во-первых, отсутствуют четкие критерии, по которым прославление или отрицание должно рассматриваться как уголовное преступление и является ли оно разжиганием ненависти (а именно борьбу с этим ставит главной целью Рамочная конвенция ЕС) либо дестабилизирует общественное устройство.

Во-вторых, если Рамочная конвенция прежде всего направлена против человеконенавистнических высказываний, ее латвийская интерпретация главной причиной наказания определяет оправдание (отрицание) преступлений двух тоталитарных режимов.

В-третьих, Рамочная конвенция призывает «наказывать только за поведение, которое либо нарушает общественный порядок, либо который угрожает, оскорбляет или оскорбляет с целью защищать важные конституционные права», а поправка переносит акцент с защиты прав человека на защиту памяти. С формальной точки зрения это больше напоминает «законы посткоммунистической памяти» у которых нет гарантий, позволяющих сбалансировать закон о разжигании ненависти с правами человека на свободу выражения.

Вторым важным проявлением возросшей обеспокоенности в отношении идентичности и памяти стала поправка в соответствующий

закон с указанием крайнего срока полного открытия архива КГБ - 2018 год (On the maintenance). В указанный срок документы КГБ были обнаружены и обществу стала доступна информация об агентах и осведомителях советских спецслужб. И хотя большинство документов содержало лишь карточки с указанием имен без какого-либо упоминания деятельности данных людей, все же широкий общественный резонанс создал определенный общественный барьер для популяризации просоветского-пророссийского исторического нарратива.

И, наконец, в 2014 году основная парадигма латвийского национального нарратива – парадигма двух зол - советской и нацистской оккупация была введена и в Конституцию Латвии. Преамбула, добавленная в конституцию, подчеркивает, что народ Латвии „осуждает коммунистические и нацистские тоталитарные режимы и их преступления” (Конституция...). Автором и инициатором поправки выступил нынешний Президент Латвии Эгилс Левитс.

Вторая волна секьюритизации памяти приходится на 2019 – 2020 годы и она связана уже не только с продолжающейся войной в Украине, но и с откровенными ревизионистскими историческими заявлениями российского руководства по поводу Пакта Молотова-Риббентропа и начала 2 мировой войны, а также продолжающейся пропагандистской деконструкцией идеи украинской государственности.

В Концепции национальной безопасности Латвии, принятой в августе 2019 года, историческая память обозначается как важный элемент безопасности.

В октябре 2019 г. Президент Латвии Эгилс Левитс предложил Сейму принять поправки к закону „О праздничных, памятных и отмечаемых днях”. Согласно одной из них, 17 марта в Латвии должен быть официальным Днем памяти движения национального сопротивления. В этот день в 1944 году под руководством профессора Константина Чаксте Латвийский Центральный совет завершил сбор подписей под меморандумом, в котором от имени латвийского народа было потребовано фактическое восстановление независимости Латвии и выражена уверенность, что Латвийское государство и его Конституция юридически продолжают существовать (Президент призывает Сайэму, 2019).

С одной стороны, президентская инициатива вписывается в концепцию «нисходящей» памяти, императивы которой формулируются элитой. В данном случае, можно увидеть две причины, мотивировавшие Э. Левитса выступить с такой инициативой. Во-первых, стремление закрепить антисоветский консенсус в латвийской исторической политике, что снова стало актуальным в условиях российского исторического ревизионизма. Во-вторых, хронологическое соединение с Днем легионера 16 марта

позволяло бы несколько задекорировать эту хотя и неофициальную, но весьма популярную среди латышей дату, которая собирала достаточно большое количество людей и тревожила ЕС. С другой стороны, новая дата позволяла бы перенести в легитимное русло коммеморацию 16 марта.

В то же время нельзя говорить о 17 марта как о полностью навязанной инициативе сверху. Традиции отмечать этот день уже существовали в определенной части латвийского гражданского общества, поэтому здесь можем видеть определенное совпадение политической и социальной памяти.

Еще более прочным укреплением антикоммунистического нарратива представляется инициатива ряда депутатов Сейма установить еще одну памятную дату со схожим названием - День антисоветских борцов. Эта инициатива направлена на коммеморацию участников послевоенного подпольного движения сопротивления в Латвии, которые в отличие, к примеру, от Литвы, еще не обозначены в символическом пантеоне памяти. Между тем, более 10 750 национальных партизан оказали вооруженное сопротивление советской власти. Национальные партизаны и вооруженные нелегалы были поддержаны значительным числом сторонников. В период с 17 июня 1940 по 1986 год по политическим обвинениям в антисоветской деятельности было арестовано 47188 человек. Значительное число из них было членами антисоветского движения сопротивления.

Законопроект предусматривает введение дня памяти антисоветских борцов 15 декабря, дня, когда Гунарс Астра, член движения национального сопротивления, дал свое последнее слово в политическом судебном процессе в 1983 году в Верховном суде Латвийской ССР. Его выступление было похоже на дипломатическое обвинение СССР в оккупации и нарушении прав граждан Латвийской Республики. Речь Г. Астры суммировала преступления советского оккупационного режима, нарушения международного права и прав человека.

„День памяти антисоветских борцов будет способствовать осознанию истории народа Латвии, пониманию независимости Латвийской Республики как ценности и пониманию необходимости защиты своей страны”, - считают авторы закона и в этой цитате можно увидеть прямую отсылку на фактор национальной безопасности (Upleja, 2020).

Запрет символики тоталитарных режимов является традиционным направлением политики памяти посткоммунистических стран. В Латвии поэтапно и под влиянием политических условий расширялись запретительные меры для коммунистической и нацистской символики. Сначала использование символики СССР, Латвийской ССР и нацистской Германии было запрещено на политических и общественных мероприятиях, которые упомянуты в Законе о собраниях, шествиях и

пикетах. В свою очередь на развлекательные, праздничные, памятные и спортивные мероприятия запрет не распространялся.

В начале 2010-хх происходит стремительное укрепление альтернативного нарратива контрпамяти, который противоречил латвийскому официальному и стимулировался исторической политикой России. Центральным сюжетом этого нарратива стало «освобождение» Латвии и день победы 9 мая. Его празднование сопровождалось массовым использованием советской символики и использованием антигосударственной риторики. (Pettai & Pettai, 2015: 164).

Поэтому в 2013 году были приняты поправки в законе о безопасности публичных развлекательных и праздничных мероприятий, которые вводили запрет на использование и на таких мероприятиях, в том числе в стилизованном виде флагов, гербов, гимнов и символики бывших СССР, ЛССР и нацистской Германии, униформ, нацистской свастики, знаков SS, советского серпа и молота и пятиконечной звезды. В законе предусмотрены исключения, когда цель использования этой символики не связана с прославлением тоталитарных режимов или оправданием их преступлений. Использование униформ армий СССР и нацистской Германии не было запрещено.

И, наконец, 23 апреля 2020 г. Сейм в третьем чтении поддержал поправки в Законе о собраниях, шествиях и пикетах, запрещающие во время публичных мероприятий использование формы и элементов одежды вооруженных сил, а также представителей органов правопорядка бывшего СССР, его республик и нацистской Германии (Upleja, 2010; Publiskos). В то же время, георгиевская лента не подпадает под действие закона и формально не включена в запретные символы.

С 2014 года российский фактор является основным триггером активности латвийских евродепутатов в том числе и в мнемонической сфере.

Евродепутаты из стран Балтии, носители национального нарратива выступают главными инициаторами дискуссии в центре которых является политика России в Украине и ее нарушение международного права. Что касается общеевропейской памяти, то именно балтийская тройка стала промоутером радикализации европейской мнемополитики с целью более четкого и конкретного осуждения уже не просто сталинского либо тоталитарного, а именно коммунистического режима. Это позволяет латвийцам еще крепче зафиксировать свой национальный нарратив в европейском формате. Ведь на национальном уровне подчеркивается советская оккупация и преступления коммунистического режима в числе которых обозначается и послесталинская этнодемографическая политика, то есть в тот период, определение которого как тоталитарный не является

общепринятым. Учитывая символизм исторической политики ЕС и ее детерминацию круглыми датами эти усилия смогли завершиться успехом в 80-летнюю годовщину Пакта Молотова-Риббентропа. В сентябре 2019 Европарламент принял резолюцию „О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы”.

В ней вмещено целый ряд месседжей, которые до сих пор не находили отражения в документах Европарламента и которые активно продвигала Латвия.

Во-первых, было признано, что Пакт Молотова-Риббентропа и раздел Европы, который он предполагал обусловили начало Второй Мировой войны. При этом Резолюция возлагает ответственность за это в том числе на СССР. Это тот вывод, который много лет пытались зафиксировать балтийские мнемонические акторы: „Принимая во внимание, что 80 лет назад, 23 августа 1939 года, коммунистический Советский Союз и нацистская Германия подписали Договор о ненападении, известный как Пакт Молотова-Риббентропа, и его секретные протоколы, разделив Европу и территории независимых государств между двумя тоталитарными режимами и сгруппировав их в сферы интересов, что подготовило почву для начала Второй мировой войны (European Parliament).

Во-вторых, резолюция четко повторяет балтийский нарратив об аннексии стран Балтии и их прямой оккупацией в течение полувека после 2 мировой войны.

В-третьих, Резолюция утверждает, что не только нацистский, но и коммунистический режим совершал в числе прочих преступлений геноцид отдельных народов. И хотя не названы народы, которые подверглись коммунистическому геноциду, но учитывая, что речь идет о последствиях Пакта Молотова-Риббентропа можно предположить, что подразумевается не украинский Голодомор а именно преступления против балтийских народов, которые и названы в латвийских мемориальных декларациях – геноцидом.

В-четвертых, выражается косвенная поддержка судебных разбирательств и процессов против лиц которые совершали преступления от имени нацистского или коммунистического режимов либо ответственных за нарушения прав человека (European Parliament).

Наконец целых три пункта резолюции (два прямо и один косвенно) критикуют российские попытки исторического ревизионизма, что всегда было отличительной чертой официальной позиции стран Балтии. Резолюция призывает Россию примириться со своим трагическим прошлым и прекратить обелять коммунистические преступления и прославлять советский тоталитарный режим (European Parliament). В этом заявлении можно увидеть опять-таки косвенное воплощение

традиционного призыва стран Балтии к России – понести ответственность за преступления коммунистического режима. Выражается обеспокоенность использованием Россией истории как элемента информационной войны, которая направлена на раскол Европы.

В целом, резолюция показала, что инициативы латвийских акторов памяти по инкорпорации национального нарратива в общеевропейский формат памяти нашли достаточно полную реализацию. Этому способствовала активизация геополитической и идеологической экспансии России, манипуляция исторической памятью и угроза европейским ценностям, что явно продемонстрировало адекватность прежних балтийских опасений и вызвало его соответствующую рефлексию ЕС.

Выводы

1) Исследовательская парадигма рефлексий Латвии в области мемориальной политики в связи с агрессией РФ в Украине предполагает взаимосвязь памяти исторической политики и безопасности. Понимание этих трех ключевых феноменов основана на признании их конструктивистского характера и основополагающего значения для сохранения национальной идентичности.

2) Узловыми точками латвийского национального нарратива являются – советская оккупация Латвии и связанные с ней депортации и репрессии, а также идея юридической и политической преемственности Латвийской республики 1918-1940 гг с современной латвийской государственностью. Историческая политика определяет эти сюжеты в качестве центральных, что обуславливает соответствующую инфраструктуру и комеморативный календарь.

3) Этнический дуализм Латвии, обусловленный наличием значительного сегмента русскоязычного населения со своей идентичностью и коллективной памятью и активизация исторической политики РФ с ее ревизионистским взглядом на историю региона и соседних Балтийских стран стали предпосылкой формирования альтернативного нарратива, своего рода «контрпамяти», где главным сюжетом является советское «освобождение» Латвии, а коммеморативный практикой - День Победы. Это создает реальную угрозу исторической памяти и идентичности Латвии и превращает их в объект безопасности.

4) Гибридная агрессия РФ против Украины с использованием исторической памяти в качестве информационно-пропагандистского оружия обусловило реактуализацию исторического опыта и коллективной травмы латышей, связанной с советской оккупацией и ускорило формирование таких смыслов безопасности, которые предполагают усиление политических и юридических мер по охране национального нарратива как элемента идентичности.

5) В связи с этим секьюритизация исторической памяти осуществляется по нескольким направлениям: фиксирование исторической памяти в качестве элемента национальной безопасности в соответствующей государственной концепции и в Конституции Латвии; усиление уголовной ответственности за прославление оправдание отрицание коммунистического режима; расширение запрета на использование коммунистической символики; включение национального нарратива с осуждением коммунизма в рамки памяти ЕС.

References:

1. Apyrshchenko, V. (2018). *Memory as Security: Images of the Past in 2014 National Referenda in Europe*. In: *Memory and Securitization in Contemporary Europe*. (eds.) V. Strukov and V. Apyrshchenko. Palgrave Macmillan UK. pp. 23-50.
2. Brubaker, R. (1996). *Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Cheskin, A. (2012). *History, conflicting collective memories, and national identities: how Latvia's Russian-speakers are learning to remember*. Nationalities Papers. №. 40 (4). pp. 561-84 *International Law*. Leiden Journal of International Law. №. 14 (4). pp. 757–787.
4. Council Framework Decision 2008 /913/JHA of 28 November 2008 on combating certain forms and expressions of racism and xenophobia by means of criminal law. Retrieved from URL <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32008F0913>
5. Criminal Procedure Law. Retrieved from: <https://likumi.lv/ta/en/en/id/107820-criminal-procedure-law>
6. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe. Retrieved from: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html
7. Gaufman, E. (2017). *Security Threats and Public Perception: Digital Russia and the Ukraine Crisis (New Security Challenges)*. Palgrave Macmillan; 1st ed.
8. Kaprāns, M. (2016). *Remembering communism in Latvia: a nationalizing state and the multi-directionality of the past*. In: *The new heroes – the new victims*. (eds.) Gubenko, I. et al. Riga: Zinātne. pp.74-107.
9. Krimināllikums. Retrieved from URL <http://likumi.lv/doc.php?id=88966>.
10. *On Latvian Legionnaires in World War Saeima of the Republic of Latvia Declaration*. Retrieved from: <https://www.nacionalaapvieniba.lv/valodas/>
11. *On the maintenance and use of the former KGB documents and on the establishing the fact of collaboration with the KGB*. Law, 19 May 1994. Retrieved from: <http://likumi.lv/doc.php?id=57277>

12. *On the Occupation of Latvia*. Declaration of Saeima. 22 August 1996. Retrieved from: <http://lpra.vip.lv/deklaracija.html>
13. Onken, E-C (2010). *Memory and Democratic Pluralism in the Baltic States — Rethinking the Relationship*. Journal of Baltic Studies, Vol.41, No 3: pp. 277-294
14. Ozolina, Z. (2016). *Societal Security: Conceptual Framework*. In: *Societal Security. Inclusion-Exclusion Dilemma. A portrait of the Russian –speaking community in Latvia*. (ed.) Ozolina, Z Rīga: Zinātne. p.13-29.
15. Pettai, E-C, Pettai V. (2015). *Transitional and Retrospective Justice in the Baltic States*. Cambridge University Press. 375 p.
16. Skultans, V. (1997). *Theorizing Latvian lives: the quest for identity*. The Journal of the Royal Anthropological Institute, Vol. 3, No. 4, pp. 761–780.
17. *The Constitution of the Republic of Latvia*. Retrieved from: <https://likumi.lv/ta/en/id/57980-the-constitution-of-the-republic-of-latvia>
18. Upleja, S. (2020). *Publiskos pasākumos aizliedz izmantot bijušās PSRS un nacistiskās Vācijas formastērpus*. Retrieved from: <https://www.delfi.lv/news/national/politics/publiskos-pasakumos-aizliedz-izmantot-bijusas-psrs-un-nacistiskas-vacijas-formasterpus.d?id=52083645>
19. Upleja, S. (2020). *Gunāra Astras pēdējā vārda datumu aicina pasludināt par Pretpadomju cīnītāju atceres dienu*. Retrieved from: <https://www.delfi.lv/news/national/politics/gunara-astras-pedeja-varda-datumu-aicina-pasludināt-par-pretpadomju-cinitaju-atceres-dienu.d?id=52086211&fbclid=IwAR0DI6U4iBH7sZ7QRLlctJclwXpx3GNsV0ppim60bUs1SQ-0g1srTSYAcw4>
20. Zelče, V. (2009). *History – Responsibility – Memory: Latvia’s Case*. In: *Latvia. Human Development Report, 2008/2009: Accountability and Responsibility*. (eds.) Juris Rozenvalds, Ivars Ijabs. Rīga: Advanced Social and Political Research Institute pp. 44-57.
21. Ассман А. *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика*. А. Ассман. М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.
22. *Президент призывает Саэиму 17 марта установить День памяти движения национального сопротивления и 15 октября День государственного языка*. Retrieved from: <https://www.president.lv/ru/novosti/aktualnye-novosti/prezident-prizyvaet-saeimu-17-marta-ustanovit-den-pamyati-dvizheniya-nacionalnogo-soprotivleniya-i-15-oktyabrya-den-gosudarstvennogo-yazyka-25952>